

Н. Д. Зольникова*

Тема софийности
в нравоучительном сборнике
непостоянного состава конца XIX —
начала XX в. из собрания музея
Невьянской иконы (Екатеринбург)

Нравоучительные сборники непостоянного состава, как теперь уже хорошо известно, продолжали создаваться и в позднее время, а именно в конце XIX — XX в. Трудные вопросы развития в этот период народного богословия, этики и многого другого заставляют обратиться к нравоучительным сборникам как к источнику, в этом отношении еще не оцененному. Для историка наиболее важным представляется исследование народного мировоззрения, ориентированного на древнерусскую традицию, в период бурного развития в России капитализма. Интересны «ответ» на вызов индустриальной цивилизации, который давала эта жившая еще традиция, степень ее сохранности или же трансформации, актуализация каких-то элементов.

Состав выбранного для анализа екатеринбургского сборника¹ не вызывает сомнений в принадлежности к названной традиции. В него включены произведения, в течение столетий переписывавшиеся на Руси, — проложные статьи, евангельские притчи, Слова св. Ефрема Сирина, одного из авторитетнейших отцов Церкви, популярное «Слово Палладия Мниха», повести из «Великого зеркала» и др. Сборник к тому же богато иллюстрирован — это еще одна устойчивая традиция². Причем миниатюрами в прошлом сопровождалась многие из тех произведений, которые вошли в наш поздний сборник. Так, среди лицевых рукописей Пушкинского Дома, по наблюдениям О. А. Белобровой, находятся 4 списка XVIII–XIX вв. «Слова Палладия Мниха», 3 списка (XIX в.) Слова Ефрема Сирина о покаянии, 9 списков Евангелий XIV–XIX вв., около 15 списков житий XVII–XIX вв. и т. д.³

Среди многочисленных произведений екатеринбургского сборника обнаружено и достаточно редко встречающееся «Сказание о св. Софии, Премудрости Божией»⁴. Это небольшое сочинение представляет собой заключительную часть переводного византийского «Сказания о создании великия Божия церкви, яже есть в Костянтине граде...», опубликованного в 1859 г. по списку XVI в. с предисловием К. Герца и Ф. И. Буслаева⁵. В этом издании памятника, посвященного строительству главного собора Константинополя,

* © Зольникова Н. Д., 2006

Наталья Дмитриевна Зольникова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник института истории СО РАН.

Статья написана в рамках гранта НШ–6582.2006.6.

ИССЛЕДОВАНИЯ

«Сказание о св. Софии, Премудрости Божией» представлено в 3 вариантах, помещенных друг за другом⁶ (термин «вариант» употребляется не в текстологическом смысле; текстология данного памятника — дело будущих исследователей. В данном случае имеется в виду лишь отличие одного текста от других на ту же тему). 2 варианта из упомянутой публикации отражены в тексте екатеринбургского сборника, на чем мы остановимся ниже. Здесь же отметим, что первый (по счету публикации 1859 г.) вариант «Сказания», за некоторыми исключениями, есть описание иконы Софии, Премудрости Божией, с толкованием ее символики (списки сочинения могли помещать на самой иконе⁷). По всей видимости, «Сказание о св. Софии, Премудрости Божией» бытовало в древнерусской литературе и как самостоятельное произведение, вне сказания о построении храма в Константинополе, на что указывают как публикации, так и отсылки к неопубликованным источникам⁸.

Достоин внимания уже само включение в поздний памятник народной книжности сюжета о Софии, одного из самых трудных понятий в христианской догматике. Блестящий образец его исследования, в том числе и в древнерусской культуре, есть у священника Павла Флоренского в его знаменитом произведении «Столп и утверждение истины», впервые увидевшем свет в 1914 г., практически одновременно с созданием екатеринбургского сборника. Чрезвычайно интересно сопоставить мысли знаменитого богослова Русской Православной Церкви, принадлежавшего к элите «высокой» культуры, и идеи, заложенные в памятнике «низовой» культуры того же периода.

Согласно концепции Флоренского,⁹ София, Премудрость Божия, — это ангел-хранитель твари, идеальная личность мира. Поскольку сама София тварна, то не сопричастна естеству Бога, не совпадает ни с одной Его ипостасью, хотя, как пишет ученый, метафизически почти сливается со Словом, Духом и Отцом как с Премудростью, Царством и Родительством Божиим. София принимала участие в творении и есть отпечаток образа Божия в твари, она «предсуществует миру», есть «премирное ипостасное собрание божественных первообразов сущего».

О. Павел Флоренский считал, что в зависимости от того, к какой ипостаси Бога обращена мысль человека, идея о Софии получает особый аспект: по отношению к Богу Отцу София — это идеальная основа твари, по отношению к Богу Слову — истина твари, разум, по отношению к Духу Святому — духовность твари и ее святость. Особое толкование Софии возникает в аспекте Божественного домостроительства: она, по Флоренскому, — центр «искупленной твари», т. е. тело Христово или Церковь Небесная в ее предсуществовании, но и земная тоже, так как Дух Святой освящает и «земную одежду», естество твари. Дух Святой являет себя в твари как девство, целомудрие, смиренная непорочность, и в этом смысле София — девство как горняя сила, дающая девственность. Но, как известно, Богородица есть носительница девства, чистоты, целомудрия, исполненная дарами Св. Духа, и в этом смысле Она есть Церковь Христова и одновременно София.

Таким образом, у о. Павла Флоренского в отношении Софии, Премудрости Божией, речь всегда идет не об абсолютном тождестве, а лишь об аспектах рассмотрения Софии. В то же время он отмечает, что образ Софии всегда был труден для понимания и истолкования. В поисках конкретных представлений о Софии христиане отождествляли ее то с Христом (отцы Церкви, авторы богослужебных текстов; воплотившемуся Христу посвятил собор Софии Юстиниан — храмовый праздник отмечали на Рождество), то с Троицей (суждения крестоносцев в Константинополе о храме Софии), то с Богородицей (русские толкования XVI в., посвященные своим храмам) и т. д. Аналогичные отождествления Флоренский наблюдал и в трудах философов-современников, в противовес которым он вновь напоминал о метафизической близости разных идей о Софии.

Перейдя к древнерусским толкованиям, в которых он увидел «тонкий синтез отдельных аспектов Софии», Флоренский обратился к уже упомянутому «Сказанию о св. Софии, Премудрости Божией» и связанным с ним иконописным материалам. В иконных изображениях Софии он выделил 3 типа. Первый представляет Софию как ангела, второй — как Церковь, третий — как Богородицу¹⁰.

Предшественник Флоренского в анализе изображений св. Софии, Премудрости Божией, Ф. И. Буслаев, также пытался разобраться в их символике, но его исследование не сопровождается специальными философскими изысканиями. Он, как позже и Флоренский, отмечает постоянное отождествление русскими св. Софии, Премудрости Божией, с Христом и Богородицей, но это отождествление Буслаеву кажется вполне нормальным и естественным. Исследователь выделяет 2 (а не 3, как Флоренский) иконографических типа Софии, Премудрости Божией: София как Богородица и как ангел (в последнем случае, по мнению Буслаева, ангелом представлен Христос)¹¹. Миниатюра екатеринбургского сборника, иллюстрирующая помещенный там же текст «Сказания», соответствует типу Софии-Ангела, поэтому обратимся к его анализу священником Павлом Флоренским.

Напомним о предании, что первая храмовая икона новгородского Софийского собора являлась списком с константинопольской, Флоренский вслед за Буслаевым предположил, что она если не по списку, то по составу — одна из древнейших русских икон. София на ней помещена в центр композиции. Это ангелоподобная фигура в царском убранстве (символ царственного могущества), золотом венце, с длинными волосами по плечам; лицо, руки, два крыла за спиной (символ причастности к горнему миру) — цвета огня (указание на духоносность). Около головы — золотой нимб, над ушами — тороки («слухи»), орган божественного слуха. В правой руке — золотой кадуцей (жезл глашатаев Греции и Рима; у Софии, по Флоренскому, символизирует власть над душами), в левой — закрытый свиток, прижатый к сердцу (указание на ведение божественных тайн). София сидит на золотом престоле с длинной двойной подушкой-валиком (мутакой); престол на четырех ножках подпирается семью огненными столпами. Ноги Софии опущены на камень. Справа Софии предстоит Богоматерь в нимбе, с тремя

ИССЛЕДОВАНИЯ

звездами (на лбу и грудях) — символ Ее девственности до, во время и после рождения Христа. На Ее груди в сфере — Младенец-Спаситель. Слева от Софии — Иоанн Креститель в нимбе, с открытым свитком в левой руке, правой рукой делает благословляющий (по мнению Флоренского, ораторский, который ранее принимали за именованное благословение) жест. Фигура Софии заключена в несколько сфер со звездами (символ ее космического могущества). Над головой Софии — также заключенная в несколько сфер поясная фигура Спаса Всемилового в крестчатом нимбе. Выше расположена звездная лента, в середине — престол с Евангелием и орудиями страстей Христовых, окруженный ангелами.

В описанной композиции о. Павел Флоренский обращает внимание на богословски значимые особенности, которые он считает созвучными своим идеям: явное различие личностей Спасителя, Софии и Богоматери (т. е. отсутствие грубого отождествления), четко выраженную иерархию: София подчинена Спасителю, расположенному выше нее, Богоматерь, в свою очередь, подчинена Софии. В других иконографических вариантах того же типа Флоренский отмечает, напротив, закономерное, по его мнению, метафизическое сближение этих образов: иногда фигуры Христа, Софии и Богоматери одинаково крылаты, иногда София получает такой же крестчатый нимб, как у Христа. Флоренский, кроме того, фиксирует здесь «смешение иконографических атрибутов — явление аттракции»¹². Буслаев объяснял крылатость Богоматери иначе: «Богородица с крыльями — точно такое же лицо, вознесенное в мир горний, стоящее вне круга исторических деяний»¹³.

Миниатюра екатеринбургского сборника¹⁴ имеет близкую к описанной выше композицию, но содержит ряд отличий и в целом проще, беднее. Впрочем, о. Павел Флоренский отмечал, что «икона Софии, Премудрости Божией, существует во многих вариантах»; для него это было несомненным доказательством того, что в «Софийной иконописи было подлинное религиозное творчество, исходящее из души народа»¹⁵. София екатеринбургского сборника имеет нимб, развернутые в стороны и вверх огненные крылья, корону, царские одежды (может быть, с менее выраженной формой барм, которые имеют вид ровного широкого воротника, однотипного с каймой по подолу и вертикали). Жезл в руках короткий, свиток развернут от плеча к поясу. Престол Софии имеет вид весьма вычурного кресла на 4-х витых ножках, причем изображено оно по законам прямой перспективы — явное свидетельство поздних живописных влияний (в прориси иконы у Флоренского перспектива обратная). Фигура Софии заключена всего лишь в одну сферу. Предстоят ей, как и в описании Флоренского, Богоматерь (справа) и Иоанн Креститель (слева). Богоматерь имеет нимб, 3 символические звезды: одна, как и положено, над лбом, а остальные — не на груди, а на плечах. Фигура ее не имеет сферы с Младенцем-Христом, руки, как и у Иоанна Крестителя, согнуты в локтях и протянуты к Софии. Над головой Софии — малая сфера с прорисованными в ней по кругу облаками, в ней — Спаситель в крестчатом нимбе, с Евангелием в левой руке, пальцы правой руки сложены в именованном благословении. Верхняя часть миниатюры ограни-

Н. Д. ЗОЛЬНИКОВА. ТЕМА СОФИЙНОСТИ В НАВРОУЧИТЕЛЬНОМ СБОРНИКЕ

чена снизу вогнутой линией. По всему периметру, исключая середину верха, прорисованы облака. В центре этого пространства — сфера того же размера, что и вокруг Спасителя, в ней — престол с книгой, но из всех орудий страстей Христовых представлен лишь крест. По сторонам сферы — фигуры двух ангелов. Верхнюю часть изображения художник дал срезанной, поэтому можно лишь гадать о ее содержании. Так, крест без верхней части выглядит четырехконечным. Неизвестно, предполагались ли над престолом фигуры Бога Отца с ангелами, как в описании аналогичного типа верхней части иконы Софии-Ангела у Флоренского.

Символика цвета, которую ученый считал очень важной в богословском осмыслении образа Премудрости Божией, в екатеринбургском сборнике мало соответствует описанию о. Павлом Флоренским иконы Софии-Ангела. Пожалуй, единственное четко выраженное совпадение — огненность лица и крыльев. В екатеринбургской миниатюре почти не представлен цвет, символизирующий как земное, так и духовное небо, означающий также божественную премудрость, а именно бирюзово-голубой, в который, по Флоренскому, должны быть окрашены сферы вокруг Софии¹⁶. Голубой цвет на миниатюре сборника присутствует лишь в окраске мутаки — подушки, на которой сидит София. Небо горнего мира изображено с помощью полосы пухлых облаков белого цвета, проработанных темно-синим. Впрочем, в целом это не противоречит символике божественного света, так как белый (обозначает божественную мудрость) и синий (небо) — также его цвета. Сфера же вокруг Софии, как и вокруг Спасителя, — желтого цвета. Но и этот цвет здесь тоже уместен, поскольку он «есть символ откровения любви и премудрости Божией»¹⁷. В одежде всех фигур миниатюры преобладают цвета красный и розовый с проработкой красным. Цвет этот многозначен: красный — цвет страстей, цвет ада, но также и цвет божественной любви¹⁸. Розовые мантии, как пишет о. Павел, можно встретить в изображениях Богородицы; по его мнению, они напоминают своим цветом о заре¹⁹. Мантия Богородицы на екатеринбургской миниатюре — красно-фиолетовая. Фиолетовый же цвет, по Флоренскому, — один из значимых цветов небесной духовности (цвет духовной трезвости, символ подвига деятельного служения миру)²⁰. Таким образом, налицо вариативность, подчас амбивалентность символики цвета иконописи, позволяющая художникам использовать разнообразную палитру для выражения одних и тех же богословских идей.

На миниатюре екатеринбургского сборника с изображением Софии имеется оригинальное текстовое пояснение. По обе стороны от ее нимба идет исполненная полууставом надпись: «Чистая душа». Подобное отождествление, по-видимому, все же не случайно. Чистота — одна из характеристик Премудрости Божией. Смирение, целомудрие и чистота, которые достигаются лишь через покаяние, — главные добродетели, делающие, как писал Флоренский, тварь единосущной Церкви; они — «ангелы-хранители твари, нисходящие с неба и восходящие от твари к небу»²¹.

Надпись на миниатюре екатеринбургского сборника вплотную подводит нас к тексту «Сказания о Софии, Премудрости Божией», который она

ИССЛЕДОВАНИЯ

иллюстрирует. В начале статьи уже упоминалось, что «Сказание» было опубликовано в 1859 г. по списку XVI в. в 3 вариантах в заключительной части «Сказания о создании великия Божия церкви святыя Софеа, яже есть в Костянтине граде». Через несколько лет Буслаев опубликовал еще один список «Сказания о Софии, Премудрости Божией», связанный с иконописными подлинниками гр. Уварова, гр. Строганова и др.²² Этот список — вариант первого текста из публикации 1859 г. (начало: «Церкви Божия Софеа, Пречистая Дева Богородица»²³).

Флоренский в своем труде также опубликовал 2 списка «Сказания о Софии, Премудрости Божией», однако их даты он не привел. Другие же упомянутые им списки относятся к XIV–XVII вв. Первый список — надпись на иконе Софии, Премудрости Божией, иконостаса Успенского собора Троице-Сергиевой лавры. Это расширенный вариант первого текста из публикации 1859 г.²⁴ Второй список представляет собой соединение вариантов первого и второго текстов публикации 1859 г. (начало второго текста в последней: «Девство образ Божий, от Девы бо родися Господь...»²⁵). В отличие от первого, в основном толкующего символику изображения, второй текст о Софии, Премудрости Божией (из публикации 1859 г.), содержит прославление девства и безбрачия в ущерб браку. Текст из екатеринбургского сборника очень близок к этому объединенному варианту, но в некоторой механической трансформации. Если в публикации Флоренского тексты соединены в той же последовательности, как они помещены в публикации 1859 г., то в екатеринбургском списке в начало «Сказания» оказался вынесенный второй текст. Тон последнего о. Павел оценил как резко-аскетический, даже манихейский (что несправедливо) и высказал предположение, что вся эта часть — позднейшая вставка.

Главные мысли «Сказания» были настолько важны для составителя екатеринбургского сборника, что он дал теме дополнительное развитие: в сборнике вслед за «Сказанием» помещена большая подборка, основная тема которой — также чистота, девство и преимущества безбрачия перед браком. Так, в тексте «О девственницах»²⁶ говорится: слава девственников в том, что Сам Бог есть Девство; Христос «от неискусобрачныя родися Матере»; Иоанн Богослов в Откровении видел 144 тыс. девственников, «со женами не осквернишася», и поэтому ликующих в Царстве Небесном с Христом; девственники исполнены всех добродетелей, в том числе смиренномудрия — все это имеет, как мы видели, прямое отношение к софийности в горнем и дольнем мирах. Аналогичный характер имеет помещенная следом «Похвала девственником»²⁷. В этом духовном стихе превозносится чистота сердца девственников; они называются «жилищами Небеснаго Вышняго града», церквями Божиими, а по Иоанну Златоусту — домами Божиими, солнцем и раем. «О девственницы,— восклицает автор,— огненное дыхание имаше к Богу... порождени быша от Святаго Духа». Тут же — нелестное высказывание в адрес женившегося, который «печется, како угодити жене; Господня печаль во Царство ведет, а жене печаль в муку влечет». Далее в афористически выразительной форме даются многочисленные определе-

ния, что есть красота и что есть чистота девицы, которые завершаются цитатой из «Песни Песней». Образ возлюбленной из этой поэмы традиционно толкуется как Церковь, невеста Христа, что также относится, как мы видели, к сфере софийных идей.

В «Слове о чистоте» св. Ефрема Сирина²⁸ можно увидеть подтверждение многих уже знакомых по предыдущим текстам мыслей, за вычетом того, что в нем отсутствуют критические высказывания в адрес брака. Венчает «софийную» подборку статья из некоего «Цветника» «О чистоте душевной и телесней»²⁹, также трактующая чистоту как высшую добродетель, достигаемую лишь «творением всех заповедей Господних и отческих». Здесь мы встречаем софийный образ молитвы, которая «от чистой души сердца... изо уст к Богу восходит яко пламень огнен». Чистота в этой статье, как писал и священник Павел Флоренский о Софии, сопровождается среди прочих добродетелей любовью и мысленным смирением. Статья из «Цветника» сопровождается в сборнике миниатюрой, которая, вероятно, иллюстрирует следующие слова: «...чистота попра аспида и василиска, лукаваго диявола, чистота связа льва, лютаго врага, с силами его... о чистота, со аггелы совокупляет и престолу Божию представляет человека... О чистота, яко царица украшена пред Богом царским венцем! О чистота, луна под ногама ея, а солнце на главе ея, и цветы неувядающи имея в руце своей. В чистоту же сию душевну и телесну кровию входит человек, се есть истинная и спасительная чистота, ея же держаще, в совершение приидем и спасемся»³⁰.

Интересно, что миниатюра из екатеринбургского сборника имеет очень близкое соответствие иконе, имеющей название «Чистота душевная»³¹. В сборнике Чистоту изображает женская фигура, помещенная на миниатюре справа³². Она увенчана процветшей короной, держит в правой руке цветы, а из чаши в левой руке заливает адский огонь. Фигура стоит на полной луне, имеющей человеческое лицо, как и солнце, помещенное слева от женской фигуры в центре всей композиции. Остальную часть двух нижних третей миниатюры занимают персонажи, символика которых связана с преисподней: лев (укрошенный Чистотой), крылатые змей и бес. Они окружают, как бы заслоняя от светлых сил, грешника, заключенного в адскую полость. В центре верхней части миниатюры, в овале из облаков, изображен Спас на престоле с двумя предстоящими (как мы помним, Спас присутствует и на изображениях св. Софии-Ангела). Справа — ангел, слева — женская фигура в том же одеянии и короне, что и внизу, без цветов и чаши, но с нимбом, как и ангел. Фигура Чистоты, безусловно, не отождествляется с Софией, Премудростью Божией: у нее отсутствуют огненный цвет лица и тела, а также огненные крылья. С Софией же ее роднит одеяние, точно повторяющее одежду Софии-Ангела на миниатюре, о которой речь шла выше. Несомненно, перед нами фигура софийного ряда (вспомним еще раз надпись на миниатюре с Софией-Ангелом).

С изображением Чистоты перекликается образ апокалиптической жены, одетой в солнце. Этот образ, как установил Флоренский, сопутствует главной фигуре на некоторых иконах Софии, Премудрости Божией (тип Богородицы). Изображение самой Софии, считал философ, в этом типе иконы

ИССЛЕДОВАНИЯ

испытало влияние мотивов Откровения Иоанна Богослова: под ее ногами помещен месяц, ниже — семиглавый змей. Флоренский отмечал, что в рукописях «Сказание о Софии, Премудрости Божией» сопровождается апокалипсическими миниатюрами на софийные темы³³. Связь образа Софии с Апокалипсисом, по Флоренскому, просматривается и в том, что Царствие Божие (иногда, как он считал, — синоним Софии) является в конце времен катастрофически, в потрясениях Второго пришествия. В сочинениях екатеринбургского сборника о девстве (софийном качестве) мы также видели обращение к мотивам Апокалипсиса.

Софийная тема в сборнике продолжена большой выпиской из Толкового Апостола, посвященной милостыне³⁴. Текст этот также сопровождается миниатюрой. Милостыня, милосердие, как и чистота, — одна из главных спасительных христианских добродетелей и имеет прямое отношение к идеальной духовности, которую священник Павел Флоренский считал одним из аспектов Софии, Премудрости Божией. Миниатюра³⁵, по-видимому, приурочена к следующему тексту Толкового Апостола: «...воистину милостыня царица есть, понеже равных творит человеков Богу... два есть имеющие криле златы благолепна, отвсюду прекрасна и препоясана, обличие имеющие благолепно и смиренно, всегда пред престолом царским сущи. Егда бываем судими, абие приходит и нас крилами своими покрывающи, от мучений свободждает... еюже нам достоин спастися»³⁶.

Миниатюра, которую можно условно назвать «Милостыня»³⁷, имеет трехчастную композицию. В нижней части справа изображены нищие, получающие подавание от благодетеля. От него вверх к центру устремляется Милостыня — женская крылатая фигура в царской одежде и короне, голова ее окружена нимбом. В средней части миниатюры — овальное пространство, снизу ограниченное облаками, сверху — нимбами сонма ангелов. В центре его расположена арка, за которой — престол с крестом и орудиями страстей Христовых. По бокам арки — крылатые ангелы, а над нею огненного цвета шестикрылый серафим; на заднем плане — ангелы. В верхней части миниатюры, имеющей такое же обрамление, как и в средней части, в сфере изображен Спас на престоле. Слева ему предстоит ангел, а справа — Милостыня, крылатая, как и ангел. Сзади нее помещена фигура человека, одевающего нищих в нижней части миниатюры, что, очевидно, символизирует его спасение. Изобразительный ряд и этой миниатюры демонстрирует нам софийные мотивы: крылатость увенчанной царским венцом и нимбом женской аллегорической фигуры (но нет огнецветности, присущей Софии, как и в миниатюре, посвященной Чистоте). Фигура Спаса на престоле и «престол уготованный» также роднят миниатюру с Милостыней и миниатюру Софии, Премудрости Божией, поскольку входят в композицию последней.

Приведенные выше тексты и иллюстрации к ним обращают нас к проблеме общего контекста софийного цикла екатеринбургского сборника. Его открывают картины Второго пришествия и Страшного Суда: в начале сборника помещено «Слово Палладия Мниха». Оно начинается сквозные для всего сборника темы греха и покаяния, трудного, но спасительного подвига

Н. Д. ЗОЛЬНИКОВА. ТЕМА СОФИЙНОСТИ В ПРАВОУЧИТЕЛЬНОМ СБОРНИКЕ

очищения, темы святости избранных, сияющих чистотой, девством и смиренномудрием, пытающихся спасти мир, гибнущий в суете и пороках своих удовольствий. Иллюстрирующие эти темы конкретные сюжеты всегда имеют, в духе литературы ехемпра, явную или подспудную мораль, несут учительную нагрузку, которая в объеме всего сборника поддерживает напряжение, заданное картинами воздаяния на Страшном Суде «Слова Палладия Мниха». Софийная тема буквально растворена в повестях сборника, время от времени выступая более явно отдельными узнаваемыми изобразительными и литературными мотивами.

Безусловно, в народном сборнике мы не найдем сложных богословских построений, как у философа Флоренского. Но там много таких решений софийной темы, которые были близки богослову. Исследуя особенности древнерусских толкований Софии, он писал, что в ее понимании «наши... предки... прилепились душой к подвигу... возлюбили чистоту и святость отдельной души. И... София повернулась к их сознанию... аспектом целомудрия и девственности... духовного совершенства»³⁸. В полной мере эту характеристику можно отнести и к нашему позднему екатеринбургскому сборнику. К тому же, как мы видели, в древнерусском наследии, которое усвоил и этот сборник, Флоренский отметил отсутствие грубых отождествлений Софии с разными сущностями и образами горнего мира, тонкое различие аспектов ее проявлений. Что же касается, по выражению Флоренского, «манихейского тона» выпадов против брака, то их можно найти у многих отцов Церкви и великих аскетов христианского прошлого, отнюдь не манихеев. В народной среде, в том числе и исследуемого позднего периода, нередко бытовало мнение, что «в миру» спастись нельзя, путь к Богу открывается только в монастыре. В немалой мере этому способствовало ощущение того, что мир со временем все более погрязает в грехе. Именно как грех, нечистота воспринимались носителями традиционной культуры новые ценности наступающей индустриальной цивилизации, поскольку они зачастую вели к разрушению старой системы ценностей и приоритетов, в крайнем проявлении — к атеизму. Напряжение всех духовных сил русского православия, которое обнаруживается в этот переломный период, и дало, по нашему мнению, такие замечательные творческие образцы богословия как в культуре «верхов» общества, так и в народной культуре.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Происхождение екатеринбургского сборника неизвестно. По составу текстов он тяготеет к культуре Русского Севера: почти все они отмечены в пинежской книжно-рукописной традиции, некоторые блоком присутствуют в северо-двинской традиции (см.: *Савельева Н. В.* Очерк истории формирования пинежской книжно-рукописной традиции: Описание рукописных источников // Пинежская книжно-рукописная традиция XVI — начала XX в. Т. 1. СПб., 2003). Также неясна конфессиональная принадлежность составителя сборника. Одно из сочинений, помещенных в сборнике, принадлежит старообрядцу поморского согласия 2-й половины XVIII в., другие

ИССЛЕДОВАНИЯ

тексты, не будучи старообрядческими, пользовались преимущественным вниманием именно последователей «старой веры» (например, Катехизис Лаврентия Зизания). Однако безапелляционно утверждать, что сборник принадлежал старообрядческой культуре, нельзя: Савельева, исследуя пинежскую рукописную традицию, отметила ее важную особенность — размытость конфессиональных границ между старообрядчеством и Русской Православной Церковью (см.: *Савельева Н. В.* Указ. соч. С. 25–27). Выражаю благодарность за консультации протоиерею Борису (Пивоварову), академику Н. Н. Покровскому, Н. В. Савельевой и Н. С. Гурьяновой.

- ² См., например: *Белоброва О. А.* Очерки русской художественной культуры XVI–XX веков. М., 2005. С. 151–156 и др.
- ³ Там же. С. 129.
- ⁴ Отдел редких книг музея «Невьянская икона» (далее — ОРКНИ), 2,5р, л. 100 об.— 103.
- ⁵ Сказание о создании церкви св. Софии // *Летописи русской литературы и древности*, издаваемые Н. Тихонравовым. Т. 2. Кн. 3. М., 1859. С. 3–34.
- ⁶ Включение в один сборник или даже одно сочинение разных вариантов какого-то текста подмечали многие исследователи и публикаторы народной литературы. Возможно, этот факт является проявлением средневекового пиетета к слову, несущему священную истину, — собранные вместе варианты должны дать читателю наиболее полное представление об истине, заложенной в это произведение. См., например, исследование Д. М. Буланина об отношении средневековых переводчиков к текстам, в которых, следуя заветам блаженного Иеронима, даже порядок слов они считали таинством (см.: *Буланин Д. М.* Древняя Русь // *История русской переводной художественной литературы*. Т. 1: Проза. СПб., 1995. С. 29).
- ⁷ См.: *Флоренский П. А.* Столп и утверждение истины: В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 385, 386.
- ⁸ См.: Там же. С. 385–387; Т. 2. С. 777, 778; *Буслав Ф.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства // *Древнерусская литература и искусство*. Т. 2. СПб., 1861. С. 294–298.
- ⁹ См.: *Флоренский П. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 319–392.
- ¹⁰ Мы не останавливаемся здесь на общем вопросе об иконографии св. Софии, Премудрости Божией, которая разнообразнее, чем в исследовании Флоренского (см.: *Кондаков Н. П.* Русская икона. Т. 4: Текст. Ч. 2. Прага, 1933. С. 375–377; *Антонова В. И., Миева Н. Е.* Каталог древнерусской живописи. Т. 2: XVI — начало XVIII века. М., 1963. С. 25, 361, 482, 483, 500).
- ¹¹ *Буслав Ф.* Указ. соч. С. 294–297.
- ¹² *Флоренский П. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 376.
- ¹³ *Буслав Ф.* Указ. соч. С. 295.
- ¹⁴ См. клапан к 1-й стр. обложки
- ¹⁵ *Флоренский П. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 370.
- ¹⁶ Там же. С. 375.
- ¹⁷ Там же. Т. 2. С. 555.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 576.
- ²⁰ Там же. С. 564, 569.
- ²¹ Там же. Т. 1. С. 342, 343.
- ²² *Буслав Ф.* Указ. соч. С. 297.
- ²³ Сказание о создании церкви св. Софии. С. 28.
- ²⁴ *Флоренский П. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 385, 386.
- ²⁵ Сказание о создании церкви св. Софии. С. 29.
- ²⁶ ОРКНИ, 2,5р, л. 103 об.— 105 об.
- ²⁷ Там же, л. 105 об.— 109. Савельева определила этот текст как духовный стих, принадлежащий перу Андрея Борисова (см.: *Савельева Н. В.* Указ. соч. С. 379). Интересно, что именно при А. Борисове, выговском киноархе в 1780–1791 гг., «более лояльной стала позиция Выга по отношению к сторонникам брака» (*Хвальковский А. В., Юхименко Е. М.* Поморское староверие в Москве // *Старообрядчество в России*

Н. Д. ЗОЛЬНИКОВА. ТЕМА СОФИЙНОСТИ В НРАВООУЧИТЕЛЬНОМ СБОРНИКЕ

(XVI–XX века). М., 1999. С. 315). Однако, как мы видим, он создавал и произведения, «духовно» направленные против своей же практики. Столь неоднозначное поведение (несомненно, проявление не лицемерия, а компромисса в определенных ситуациях) было свойственно старообрядцам многих согласий, отмечалось и у представителей других конфессий.

²⁸ ОРКНИ, 2,5р, л. 109–111 об.; Слово св. Ефрема Сирина: Слово 38 (см.: *Савельева Н. В.* Указ. соч. С.379).

²⁹ ОРКНИ, 2,5р, л. 111 об.— 113.

³⁰ Там же, л.112–113.

³¹ ГИМ, середина XVII в., северные письма. Ее описание (к сожалению, без изображения): «Аллегорическая композиция на тему, заимствованную из синодика,— «Чистота душевная» представлена в образе «девы преукрашенной» с короной на голове, стоящей на луне (зеленоватый круг с лицом человека). Перед девою на горках «смирненно» лежат укрощенные лев (аллегория страсти и гнева) и змий (аллегория греха). В черной пещере, адской бездне, изображена в образе обнаженного человека грешная душа, к которой наклонился крылатый дьявол. В центре композиции — солнце, «светящее всему миру»,— красный круг с человеческим лицом. Под верхним полем, в секторе неба, Спаситель на престоле с предстоящими по двум сторонам ангелами» (см.: *Антонова В. И., Мнева Н. Е.* Указ. соч. Т. 2. С. 495). Отличия екатеринбургской миниатюры от иконы XVII в. немногочисленны: в описании последней не отмечена крылатость змея; среди предстоящих Спасителю названы 2 ангела, а в миниатюре справа вместо ангела помещена фигура Чистоты. Поскольку в описании иконы XVII в. не указаны цвета в описании Чистоты, сравнить 2 изображения с этой точки зрения невозможно.

³² См. клапан к 4-й стр. обложки

³³ *Флоренский П. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 388.

³⁴ ОРКНИ, 2,5р, л. 115–122.

³⁵ Там же, л. 118 об.

³⁶ Там же, л. 118–119 об.

³⁷ См. клапан к 4-й стр. обложки

³⁸ *Флоренский П. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 389, 390.